

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В 1907–1914 гг. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований
«Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии»
(проект № 12-01-00074а).*

Рассматривается взгляд современных англо-американских историков на историю русского либерализма в 1907–1914 гг. Анализируется точка зрения американских и британских ученых на политическое поведение российских либеральных партий (кадетов, октябристов, прогрессистов) в системе «думской монархии», их взаимоотношения с правительством и премьер-министром П.А. Столыпиным; прослеживается эволюция политической линии российских либералов. Анализируются также оценки, даваемые англо-американскими историками политической деятельности лидеров российских либералов – П.Н. Милокова, А.И. Гучкова, П.П. Рябушинского.

Ключевые слова: англо-американская историография; русский либерализм; Государственная Дума; «думская монархия»; партии кадетов, октябристов, прогрессистов; П.Н. Милоков; А.И. Гучков; П.А. Столыпин.

Начало XX в., ставшее периодом стремительных перемен в российской политической жизни, давно привлекает внимание зарубежных специалистов-историков. Это не случайно, поскольку новая политическая конъюнктура, сложившаяся в России с 1905 г., несмотря на революционные катаклизмы, открывала большие возможности для парламентского переустройства страны, перехода России на путь поэтапного эволюционного развития. Издание Манифеста 17 октября 1905 г., новая редакция Основных законов (23 апреля 1906 г.), появление на политической арене нового законодательного института – Государственной Думы, реформа Государственного Совета стали основополагающими актами власти, существенно изменившими политический ландшафт России. Окончание первой российской революции и некоторая консервация политического строя после роспуска II Думы, изменение избирательного закона актом 3 июня 1907 г. установили в России на ближайшие годы новую политическую систему, именовавшуюся в советской историографии «третьеиюньской», а в зарубежной чаще – «думской монархией». Годы «думской монархии» были отмечены всплеском законодательной деятельности народного представительства, обилием рассмотренных законодательных инициатив и утвержденных законопроектов. Российская консервативная и либеральная общественность активно встраивалась в новый политический порядок, пытаясь использовать легальные возможности для достижения своих целей. Особой активностью в этом отношении отличались российские либералы – кадеты, октябристы и прогрессисты, сосредоточившиеся в годы «думской монархии» в первую очередь на текущей парламентской работе.

Тематика идеологии, тактики, политической деятельности русских либералов в годы «думской монархии» давно и плодотворно разрабатывается в зарубежной историографии. За десятилетия работы зарубежными исследователями было создано множество трудов по обозначенной тематике. При этом лидирующие позиции в изучении русского либерализма за рубежом занимают труды специалистов из США и

Великобритании. Основной задачей настоящей работы мы видим анализ современных работ англо-американских историков, затрагивающих проблемы деятельности российских либералов в 1907–1914 гг., поиска ими новых путей реализации либерального идеала в условиях «третьеиюньской системы», динамики их взаимоотношений с правящим режимом в период от 3 июня 1907 г. до начала Первой мировой войны.

Либеральная англо-американская историография традиционно проявляет пристальное внимание к проблемам политического развития России в 1907–1914 гг. Отправные положения историков этого направления во многом основываются на работах, опубликованных в предшествующее время. Историки «либералы» подчеркивают большое значение Государственной Думы (особенно третьего созыва) как фактора «постепенного прогресса конституционализма в России». III Дума, по их мнению, достигла больших успехов в области народного образования, религиозных и финансовых дел, немало способствовала росту частного крестьянского землевладения, усилению боеспособности армии и флота, была важным фактором укрепления контактов России с иностранными державами и др. Россия постепенно вступала на парламентский путь развития. Важнейшим фактором, прервавшим конституционные преобразования в России, стала Первая мировая война (см. например, [1. С. 116–118, 175, 239 и др.; 2. С. 4, 22, 87–88, 97 и др.; 3. С. 282; 4. С. 52–55 и др.]). Из современных исследователей такой точки зрения придерживаются, к примеру, Ш. Галай [3. С. 282] и Дж. Френкель. Последний считает, что акт 3 июня 1907 г. позволил Думе стать «...неотъемлемой частью смешанной системы управления, которая, сочетая элементы самодержавия, аристократии и демократии, стала... относительно стабильной» [5. С. 68]. По модели государственного устройства Российская империя становилась всё более похожей на Германию и Австрию.

С другой стороны, в англо-американской русистике существует направление, представители которого оценивают шансы мирного развития России после

3 июня 1907 г. достаточно скептически. «Конституционный путь» развития в России был сомнителен, считает британский исследователь Роберт Маккин. Юридические основы для него были заложены Основными законами 1906 г., но на его пути было много препятствий: неприспособленный к конституционному устройству характер российских государственных учреждений; недоброжелательное отношение к конституционализму Николая II и значительной части правящей элиты; незрелость общества, сословные пережитки и др. Также у «конституционного эксперимента» не было адекватной социальной базы [6. С. 4–5; 7. С. 44–67].

В 1905 г., по мнению профессора Университета Восточной Англии Питера Уолдрона, в России произошел поворот от «конспиративной» политической культуры (характерной и для правительства, и для общественности) к открытой политике. Существование Думы было важным фактором развития новой политической системы, хотя на Думу было наложено немало ограничений. Особая роль в обновлении государственного строя России принадлежала Думе третьего созыва. Однако происходившие в стране социальные изменения не нашли должного отражения в политических институтах империи. После 3 июня 1907 г. политическое преобладание в стране вернулось к традиционной элите (дворянству). Потенциальная опора реформаторского курса (прежде всего растущий средний класс) была слабо представлена во властных структурах. В этом, по Уолдрону, состояла основная причина поражения реформаторских начинаний П.А. Столыпина [6. С. 31; 8. С. 106–107, 111–113, 181–184].

Почетный профессор Лондонского университетского колледжа Роджер Бартлетт пишет, что Государственная Дума была дана Николаем II «неохотно». «Широкие и беспрецедентные политические права», обещанные Манифестом 17 октября 1905 г., были урезаны в своем «конкретном воплощении» Основными законами от 23 апреля 1906 г. «Как только порядок был восстановлен (т.е. после 3 июня 1907 г. – Н.М.), Николай пожелал урезать функции Думы до минимума» [9. С. 185–186]. III и IV Думы находились в стороне от тех магистральных социальных процессов, которые шли в обществе накануне Первой мировой войны [Там же].

Соответственно оценивается англо-американскими учеными и деятельность российских либеральных партий.

Фракция кадетов в III Думе, считает профессор Университета Оклахомы, биограф П.Н. Милюкова Мелисса Стокдэйл, стремилась избегать провокационных жестов, направив главные усилия на работу в комиссиях. Однако большинство инициатив кадетских депутатов не получило силы закона. В рядах кадетской партии (КДП) за пределами Думы эта деятельность казалась недостаточно оппозиционной. С началом нового общественного подъема в стране (1912 г.) думская тактика кадетов обостряется. Однако эта тактика была во многом демонстративна [10. С. 178–179, 194, 196–197, 200–201]. С другой стороны, к

примеру, П. Уолдрон считает тактику кадетов в III Думе продолжением их оппозиционной линии 1905–1907 гг. [6. С. 32; 8. С. 110, 152].

Профессор Университета Ксавьера (Цинциннати, Огайо) Александра Коррос в своей статье отмечает противостояние руководства КДП и ее рядового состава [11]. После 3 июня 1907 г., по мнению Коррос, в позициях кадетов произошли «драматические перемены». Кадеты больше не надеялись быстро превратить Россию в конституционное государство парламентскими средствами. Трещина в КДП между сторонниками мирного обновления страны и теми, кто призывал к «большей воинственности в союзе с социалистами», продолжала расти. В результате партия колебалась в выборе дальнейшего пути. В годы «третьеиюньской системы» КДП оказалась «глубоко разделена» [11. С. 120, 127, 128, 130–132].

Что касается фракции «Союза 17 октября» (октябристов) в III Государственной Думе, англо-американские историки отмечают ее социальную разнородность (хотя и с преобладанием земско-дворянского элемента) и отсутствие единства взглядов, что не лучшим образом сказывалось на ее политической деятельности [8. С. 154–155].

П. Уолдрон в статье «Позднеимперский конституционализм» рассматривает деятельность октябристов в контексте реформирования законодательной системы в России. «Союз 17 октября», пишет Уолдрон, как центристская партия стремился использовать законодательное собрание для проведения базовых реформ, но «Дума оказалась неадекватным форумом для этих целей». В целом генезис партии продемонстрировал ее преданность зарождавшемуся конституционному строю [6. С. 29, 31–32]. В годы «третьеиюньской системы», пишет Уолдрон в одной из своих монографий, октябристы пытались продемонстрировать свои «особые связи с правительством Столыпина», но также активно критиковали столыпинскую политику. Оппозиционность октябристов нарастала. Уже с 1909 г. многие октябристы, видя бесплодность альянса со Столыпиным, стали сомневаться в его целесообразности. С марта 1911 г. (после проведения закона о земстве в Западном крае в обход законодательных учреждений) октябристы, по мнению П. Уолдрона, уже не были готовы безоговорочно поддерживать правительство, поправшее конституционные принципы [8. С. 110, 153, 157, 174, 177]. Профессор истории в университете Колорадо (Денвер) Мэри Конрой отмечает, что, несмотря на тесное сотрудничество с правительством в III Думе, октябристы сохраняли свою независимость. Столкнувшись с намерением Столыпина распустить Думу в 1909 и 1911 гг., они отнюдь не были склонны «капитулировать перед правительством». Октябристы не были согласны на роль Думы как «младшего партнера» правительства в принятии политических решений. Фракция была «уверена в себе и агрессивна». Оппозиционность октябристов перед Первой мировой войной только росла [12. С. 16; 13. С. 125, 127, 132–135]. Профессор Университета Нью-Йорка, биограф П.А. Столыпина Абрахам Эшер пишет, что к маю 1911 г. большая часть дум-

ских октябристов прекратила поддержку Столыпина. Это ознаменовало «окончание союза между умеренными либералами и правительством» [14. С. 360]. Американский историк, профессор университета Вандербильта (Нэшвилл) Френсис Вчисло называет события марта 1911 г. «последним ударом по октябризму». Эти события, считает он, предварили раскол фракции октябристов в 1913 г. [15. С. 285–286].

Фракция октябристов, пишет израильский историк, профессор Университета Бен-Гуриона Шмуэль Галай, была наиболее заметной частью проправительственного большинства в III Думе. Несмотря на это, партия не была едина в своем отношении к правительству. II съезд «Союза 17 октября» (4–8.10.1909 г.) признал, что достижения партии в борьбе за реформы были очень незначительными. Но лидер партии А.И. Гучков пока смотрел в будущее с оптимизмом, продолжая курс на союз с П.А. Столыпиным. После гибели Столыпина в 1911 г. оппозиционность октябристов растет. Но, оставаясь в первую очередь великорусскими националистами, большинство октябристов не были настоящими либералами. Более серьезные перемены начались в «Союзе 17 октября» накануне Первой мировой войны. Тон в этих переменах задал А.И. Гучков. К концу 1913 г. «...ничто более не напоминало о его прежнем оптимизме, – отмечает Ш. Галай. – Его настрой... был мрачным». Основной причиной этого была, по мнению Галая, новая расстановка политических сил. Гучков считал, что сотрудничество октябристов с правительством бесперспективно и продолжение прежнего курса приведет к новой революции. Единственным средством предотвратить это было превращение Думы в «агрессивную оппозиционную ассамблею». Но в «Союзе 17 октября» эта линия не нашла поддержки. Раскол думской фракции октябристов в декабре 1913 г. и дальнейшее угасание «Союза 17 октября» были, по мнению Ш. Галая, показателем того, что «наиболее серьезная попытка реформировать царский режим путем сотрудничества между представителями общества и правительством сошла на нет» [16. С. 138–140, 144–147].

Современная англо-американская историография уделяет определенное внимание росту в «думские» годы политической активности русской либеральной буржуазии, формированию и деятельности партии прогрессистов. С 1908–1909 гг. буржуазия, по мнению известного американского ученого Ричарда Пайпса, «внезапно пришла в движение», капиталисты-оппозиционеры будто бы «вознамерились править страной». Причиной этого было окончание революции и укрепление политической стабильности. В этих условиях у буржуазии появляется потребность «начать мыслить национально – то есть политически». Российский «большой бизнес» не питал симпатий к думской монархии – «полуавтократической, полуконституционной системе», стремясь к подлинно парламентскому режиму. Будущие прогрессисты, пишет Пайпс, стремились создать такую партию, которая «сумела бы сочетать свойственное консерваторам уважение к законности и порядку (т.е. сильной государственности) с либеральными взглядами по эконо-

мическим и социальным вопросам; партию, которая смогла бы взять на себя труд по “модернизации” России, не злоупотребляя при этом насилием» [17. С. 228–232]. Новой формой деятельности московской либеральной буржуазии стали «Экономические беседы», в ходе которых либеральные предприниматели получали идейно-теоретическое содействие московской умеренно-либеральной профессуры (в первую очередь специалистов по экономике). По мере роста известности «Бесед» их стали посещать и правительственные чиновники «среднего звена», привлекалось внимание прессы, росло уважение в обществе. «По мнению [П.П.] Рябушинского, – пишет Р. Пайпс, – участники дискуссий составляли нечто вроде политического клуба, из членов которого будут призваны лидеры России». Однако открытых политических дебатов они опасались, не желая провоцировать внутренние разногласия. Призывы «к воссоединению науки и капитала... не встречали поддержки ни справа, ни слева». Важным итогом «Экономических бесед» стала публикация двухтомника «Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам», который произвел «сильное впечатление на деловое сообщество, не привыкшее к тому, чтобы его воспринимали как фактор российской военной мощи» [17. С. 237–240].

Целый ряд работ посвятил идеологии и попыткам политического объединения московской либеральной буржуазии видный американский исследователь Джеймс Уэст. Многие из его работ переведены на русский язык [18–22]. Уэст писал, что к 1912 г. московские предприниматели почувствовали себя уверенными настолько, что смогли создать собственную «национально-либеральную» организацию – партию прогрессистов [18. С. 194; 19. С. 306]. Одной из основных ее задач стало сплочение либерального лагеря в борьбе за дальнейшие преобразования. Итоги избирательной кампании 1912 г., тем не менее, были для прогрессистов достаточно скромными: они создали в Думе лишь пятую по величине фракцию, насчитывавшую в своих рядах 47 человек [19. С. 319].

Американский историк Роберт Торстон считает, что особую роль в укреплении оппозиционности московских промышленников сыграл Ленский расстрел 4 апреля 1912 г., после которого подходы правительства и промышленной элиты к решению рабочего вопроса стали «непримиримыми». Газета П.П. Рябушинского «Утро России» противопоставляла разумную английскую политику в отношении стачек и российскую, отдающую рабочих «под влияние политических агитаторов». «Московские промышленники, – пишет Торстон, – стали пересматривать свое отношение к рабочим союзам» в направлении либерализации. К примеру, 1 мая 1914 г. они решили объявить выходным днем [23. С. 125–127].

Известный американский историк, профессор Колумбийского университета Леопольд Хеймсон (1927–2010) в своей статье «Политическая эволюция московского купечества в России начала XX века: Наблюдения и размышления» характеризует программу партии прогрессистов как «платформу реше-

тельной оппозиции царскому режиму». Она свидетельствовала о «решительном повороте» в «политических симпатиях» московских предпринимателей. Разгадан этот поворот, по Хеймсону, может быть лишь с учетом социальной эволюции «третьеиюньской системы». Идеология прогрессистов имела яркую социальную подоплеку, будучи по сути протестом против преобладания дворянства в Государственной Думе. Прогрессисты стремились к демократизации избирательного закона и расширению бюджетных прав Думы. Для достижения этих целей они допускали даже свержение царского режима. «Воинственные» политические требования прогрессистов, считает Хеймсон, свидетельствовали о неспособности царского режима понять и защитить интересы общества, дать стране вовремя необходимые реформы, усиливая враждебность даже со стороны традиционно лояльных общественных слоев [24. С. 229–231].

После открытия IV Государственной Думы русские либералы повысили тон своих политических выступлений. Накануне Первой мировой войны, по мнению Р. Торстона, усиливается недоверие русских либералов к властям. Если, к примеру, в 1905 г. либералы опасались массового движения и нередко «обращались к государству за помощью», то к 1913 г. они, напротив, «в гораздо большей степени верили в то, что государство — их враг», подталкивающий городские низы к новой революции. В 1914 г. даже октябристский «Голос Москвы» выражал весьма критические настроения в отношении правительственной политики. Либералы очевидным образом «двигались влево» [25. С. 144, 149–150].

Внутрипартийные разногласия и обстановка в стране заставили кадетов обострить свою тактику в IV Думе, считает М. Стокдэйл. Однако эта тактика была скорее рассчитана на демонстрацию стране демократической природы партии и на внесение раскола в ряды октябристов (с целью склонить часть из них к кадетским позициям). Помимо этого, лидер кадетов хотел показать правительству, что оно изолировано, а подлинно народную силу представляет Дума [10. С. 200–201].

Л. Хеймсон отмечает, что расчеты КДП на продуктивность тактики «органической оппозиции» периода III Государственной Думы не оправдали себя. Поэтому кадетское руководство было вынуждено признать, что в рамках «третьеиюньской системы» демократизация государственного строя невозможна. Вновь выдвинутые партийным руководством требования всеобщего избирательного права, ответственности министров и реформы Госсовета, тактика «декларативной оппозиции» также не дали результата. Активизация левых кадетов накануне войны была встречена П.Н. Милюковым и его единомышленниками неодобрительно. Милюков считал, что их ориентиры приведут к «катастрофическим последствиям», «всеобъемлющему разрушению русской цивилизации, включая те ценности, которые стремились олицетворять кадеты». Но и тактика левых кадетов лишь внесла вклад в состояние тупика, в котором пребывали власть и общество накануне Первой мировой войны [26. С. 9–10; 27. С. 23–26; 28. С. 861–863].

Расчет прогрессистов на распад либеральных партий и фракций с дальнейшим присоединением их частей к прогрессистам тоже не оправдался. Хотя, по наблюдениям Дж. Уэста, в 1912–1913 гг. позиции кадетов, «Союза 17 октября» и прогрессистов по ряду вопросов сближались, «грандиозного союза либеральных сил, который надеялись создать прогрессисты, так и не получилось. Внутренняя динамика действовавших в Думе партий фактически развивалась совершенно в противоположном направлении...» После распада думской фракции октябристов в декабре 1913 г. соглашение по общим вопросам стало «еще менее вероятным, чем ранее». Накануне Первой мировой войны «бесконечные политические пререкания и неуступчивость правительства стали настолько невыносимыми, что [П.П.] Рябушинский и [А.И.] Коновалов начали активно осуществлять замысел о выходе из создавшегося политического тупика посредством некоего “суперорганичного решения”». Это был путь к созданию в начале 1914 г. секретного «Информационного комитета», объединившего не только либералов, но и меньшевиков, большевиков и эсеров. Однако «Информационный комитет» по сути не проявил себя на политической арене и вскоре распался. Одной из главных причин неудачи этого альянса Дж. Уэст считает скорый отказ революционных партий от сотрудничества [19. С. 319–321].

За два последних десятилетия англо-американская историческая наука наработала значительный материал по истории русского либерализма в годы «думской монархии». Большое внимание в работах исследователей США и Великобритании (а также историков других стран, работающих в традициях англо-американской науки, к примеру Израиля) привлекают такие сюжеты, как природа «третьеиюньской системы», место и роль русских либералов в ее развитии, их взаимоотношения с правительством, внутренняя ситуация в русских либеральных партиях.

Мнения, высказываемые по указанным вопросам разными историками, различны. Если ученые либерального направления (такие как Ш. Галай, Дж. Френкель и др.) отмечают определенный прогресс в развитии конституционно-монархических начал в России в 1907–1914 гг., то другие современные ученые (Р. Маккин, П. Уолдрон, Р. Бартлетт) считают перспективы мирного развития России после 1907 г. призрачными, пишут о слабости социальной опоры русского либерализма, преобладании дворянства в государственном управлении, разрыве интересов верхов и низов общества, юридических ограничениях деятельности Государственной Думы.

Русский либерализм в 1907–1914 гг. в силу ряда причин был по преимуществу парламентским явлением, и поэтому англо-американские историки основное внимание уделяют работе кадетов, октябристов и прогрессистов в Государственной Думе. Высказываемые учеными мнения различны. Если, к примеру, М. Стокдэйл описывает думскую тактику кадетов как умеренную, то П. Уолдрон подчеркивает, что кадеты и в годы «думской монархии» продолжили оппозиционную деятельность. Главной установкой октябристов

после третьеиюньского переворота была попытка реализации конституционно-монархической модели в рамках существующего политического режима. Однако, в силу разных обстоятельств, со временем растет оппозиционность октябристов и их противостояние с правящими сферами. «Кризис западного земства» 1911 г., усугубивший расхождения в стане октябристов, стал во многом предтечей раскола их думской фракции в 1913 г. (см. работы П. Уолдрона, А. Эшера, М. Конрой, Ш. Галая и др.). Прогрессизм в целом оценивается как достаточно аморфное течение, которому не хватало связности программы и четкой структуры. Объяснение возникновения этого специфического буржуазно-либерального течения и дальнейшего образования партии прогрессистов коренится, по мнению Л. Хеймсона, в социальной при-

роде «третьеиюньской системы». Расчет прогрессистов на создание в IV Думе «конституционного центра» не оправдался. Их отчаянные инициативы, наподобие попыток оживления контакта с рабочим движением, создания «Информационного комитета» (1914 г.), также не дали результата (Р. Торстон, Дж. Уэст).

Таким образом, несмотря на наблюдающиеся в последние годы в западной русистике кризисные явления, англо-американская историография русского либерализма сделала в последние два десятилетия определенный шаг вперед. Этот факт, а также обилие отечественных исследований по истории русского либерализма за последние годы [29–34] дает надежду на дальнейшее развитие историографии русского либерального движения начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pares B. The fall of the Russian monarchy: A study of evidence. 9th ed. London, 1988.
2. Stavrou Th., ed. Russia under the last Tsar. Minneapolis, 1969.
3. Galai S. The Kadet electoral success – a hollow victory? // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы : материалы науч. конф. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 279–282.
4. Acton E. Rethinking the Russian revolution. London, 1990.
5. Frankel J. The war and the fate of the Tsarist autocracy // Kowner R., ed. The impact of the Russo-Japanese war. N.Y., 2007.
6. Waldron P. Late Imperial constitutionalism // Thatcher I.D., ed. Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean. Manchester ; New York, 2005.
7. McKean R.B. The constitutional monarchy in Russia, 1906–1917 // Regime and society in twentieth century Russia. London, 1999.
8. Waldron P. Between two revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. De Kalb, 1998.
9. Bartlett R. A history of Russia. Basingstoke ; New York, 2005.
10. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918. Ithaca ; London, 1996.
11. Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5, № 1. P. 117–136.
12. Conroy M.S., ed. Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.
13. Conroy M.S. P.A. Stolypin, Marxists and liberals versus owners of pharmacies and pharmaceutical firms in Late Imperial Russia // Conroy M.S., ed. Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.
14. Ascher A. P.A. Stolypin: The search for stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
15. Weislo F.W. Reforming rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914. Princeton, 1990. P. 285–286.
16. Galai S. The True Nature of Octobristism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5, № 1. P. 137–147.
17. Па́йнс Р. Струве: Биография. М., 2001. Т. 2.
18. Вест Дж.Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С. 192–201.
19. Уэст Дж.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 299–329.
20. West J.L. Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia // Brumfield W.C., ed. Commerce in Russian urban culture, 1861–1914. Washington ; London, 2001. P. 79–89.
21. Уэст Дж. О старообрядчестве // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 35–41.
22. Уэст Дж. Видение предпринимательского будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 224–237.
23. Thurston R.W. Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914. New York ; Oxford, 1987.
24. Haimson L. The political evolution of Moscow's kupechestvo in early twentieth-century Russia: Observations and reflections // Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber / ed. by M. Siefert. Budapest, 2003. P. 229–231.
25. Thurston R.W. New thoughts on the Old regime and the revolution of 1917 in Russia: A review of recent Western literature // Judge E.H., Simms Y. Jr., eds. Modernization and revolution. Dilemmas of progress in late imperial Russia. Essays in honor of Arthur P. Mandel. N.Y., 1992. P. 140–150.
26. Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15.
27. Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 17–33.
28. Haimson L. «The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution» revisited // Slavic Review. 2000. Vol. 59, № 4. P. 848–875.
29. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.
30. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
31. Аронов Д.В. Законодательная деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906–1917 гг.). М., 2005.
32. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006.
33. Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.
34. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

PROBLEMS OF THE HISTORY OF RUSSIAN LIBERALISM (1907–1914) IN THE WORKS OF CONTEMPORARY ANGLO-AMERICAN RESEARCHERS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 134–140. DOI 10.17223/15617793/393/20

Makarov Nikolay V. Russian Foundation for Basic Research (Moscow, Russian Federation). E-mail: nikolay-14@yandex.ru

Keywords: Anglo-American historiography; Russian liberalism; State Duma; "Duma monarchy"; Kadet party; Union of 17 October; Progressist party; P.N. Miliukov; A.I. Guchkov; P.A. Stolypin.

The article presents the interpretation of the history of Russian liberalism in the period from the end of the First Russian Revolution to the First World War by modern Anglo-American historians. The article analyzes the views of American and British scientists (R. McKean, P. Waldron, R. Bartlett, M. Stockdale, A. Korros, M. Conroy, A. Ascher, F. Wcislo, R. Pipes, J. West, A. Haimson, etc.) on the problems of political ideals and activities of the Russian liberal parties (Kadets, Octobrists and Progressists) in the "Duma monarchy" period. These problems touch such matters as the relationship between Russian liberals and the government, their relationship with Prime Minister P.A. Stolypin, evolution of the political line of Russian liberals. The issue under research is also assessment given by the Anglo-American historians to political activities of the leaders of the Russian liberals – P.N. Milyukov, A.I. Guchkov, P.P. Ryabushinsky. The article shows that over the past two decades, despite the crisis in the western Russian Studies, Anglo-American historiography has worked a considerable amount of material on the history of Russian liberalism during the "Duma monarchy" period. The opinions expressed by the modern historians are different. The scientists belonging to the liberal direction (such as S. Galai, J. Frankel and others) note some progress in the development of constitutional monarchy in Russia in 1907–1914, while other scholars (R. McKean, P. Waldron, R. Bartlett) consider the prospects for peaceful development of Russia after 1907 as illusive and write about the weakness of social support for Russian liberalism, predominance of the nobility in governance, gap between the interests of upper and lower classes of society, the legal restrictions of the State Duma. Much attention is paid by contemporary researchers to the work of the Russian liberals in the State Duma in 1907–1914. Here the Anglo-American scientists express different opinions too. If, for example, M. Stockdale describes Kadets' Duma tactics as moderate, P. Waldron emphasizes that Kadets continued their opposition activities during the period of "Duma monarchy". The main goal of Octobrists after "The Third of June Coup" was an attempt to implement the constitutional monarchy model within the existing political regime. However, for various reasons, the opposition of Octobrists grew. The Octobrists began to confront with the ruling spheres. "The Western Zemstvo Crisis" in 1911 exacerbated differences in the camp of Octobrists. These differences largely foreran the split of their Duma faction in 1913 (see the works of P. Waldron, A. Ascher, M. Conroy, S. Galai, etc.). Progressism as a whole is estimated as a rather amorphous movement which lacked both connectivity program and a clear structure. The emergence of this particular bourgeois-liberal current and the further formation of the Pogressist party, according to L. Haimson, was rooted in the social nature of the "Third of June System". Progressists' attempt to build a "Constitutional Center" in the IV Duma was not justified. Their desperate initiatives such as attempts to revive contacts with the labor movement, creating "Information Committee" (1914), also failed (R. Thurston, J. West).

REFERENCES

1. Pares B. *The fall of the Russian monarchy: A study of evidence*. 9th ed. London, 1988.
2. Stavrou Th. (ed.) *Russia under the last Tsar*. Minneapolis, 1969.
3. Galai S. The Kadet electoral success – a hollow victory? *Russkiy liberalizm: Istoricheskie sud'by i perspektivy: materialy nauch. konf.* [Russian Liberalism: The Historical Destiny and prospects: Proc. of the Conference]. Moscow, 1999, pp. 279–282.
4. Acton E. *Rethinking the Russian revolution*. London, 1990.
5. Frankel J. *The war and the fate of the Tsarist autocracy*. In: Kowner R. (ed.) *The impact of the Russo-Japanese war*. New York, 2007.
6. Waldron P. *Late Imperial constitutionalism*. Thatcher I.D. (ed.) *Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean*. Manchester; New York, 2005.
7. McKean R.B. *The constitutional monarchy in Russia, 1906–1917*. In: *Regime and society in twentieth-century Russia*. London, 1999.
8. Waldron P. *Between two revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia*. De Kalb, 1998.
9. Bartlett R. *A history of Russia*. Basingstoke; New York, 2005.
10. Stockdale M.K. *Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918*. Ithaca; London, 1996.
11. Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, no. 1, pp. 117–136. DOI: 10.1353/kri.2004.0013
12. Conroy M.S. (ed.) *Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I*. Niwot, 1998.
13. Conroy M.S. *P.A. Stolypin, Marxists and liberals versus owners of pharmacies and pharmaceutical firms in Late Imperial Russia*. In: Conroy M.S. (ed.) *Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I*. Niwot, 1998.
14. Ascher A. *P.A. Stolypin: The search for stability in Late Imperial Russia*. Stanford, 2001.
15. Wcislo F.W. *Reforming rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914*. Princeton, 1990, pp. 285–286.
16. Galai S. The True Nature of Octobristism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, no. 1, pp. 137–147. DOI: 10.1353/kri.2004.0010
17. Pipes R. *Struve: Biografiya* [Struve: a biography]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2001. Vol. 2.
18. West J.L. *Burzhuziya i obshchestvennost' v predrevolyutsionnoy Rossii* [The bourgeoisie and the public in pre-revolutionary Russia]. *Istoriya SSSR*, 1992, no. 1, pp. 192–201.
19. West J.L. *Kruzhok Ryabushinskogo: russkie promyshlenniki v poiskakh burzhuzii (1909–1914)* [Ryabushinsky Circle: Russian industrialists in search of the bourgeoisie (1909–1914)]. In: David-Fox M. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya* [American Russian studies. Milestones of historiography of recent years. Imperial period: an anthology]. Samara: Samara State University Publ., 2000, pp. 299–329.

20. West J.L. *Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia*. In: Brumfield W.C. (ed.) *Commerce in Russian urban culture, 1861–1914*. Washington; London, 2001, pp. 79–89.
21. West J.L. *O staroobryadchestve* [On the Old Believers]. In: West J.L., Petrov Yu.A. *Kupecheskaya Moskva. Obrazy ushedshey rossiyskoy burzhuzii* [Merchant Moscow. Images of bygone Russian bourgeoisie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, pp. 35–41.
22. West J.L. *Videnie predprinimatel'skogo budushchego Rossii: utopicheskiy kapitalizm Pavla Ryabushinskogo* [Vision of entrepreneurial Russia's future: the utopian capitalism of Pavel Ryabushinsky]. In: West J.L., Petrov Yu.A. *Kupecheskaya Moskva. Obrazy ushedshey rossiyskoy burzhuzii* [Merchant Moscow. Images of bygone Russian bourgeoisie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, pp. 224–237.
23. Thurston R.W. *Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914*. New York; Oxford, 1987.
24. Haimson L. *The political evolution of Moscow's kupechestvo in early twentieth-century Russia: Observations and reflections*. In: Siefert M. (ed.) *Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber*. Budapest, 2003, pp. 229–231.
25. Thurston R.W. *New thoughts on the Old regime and the revolution of 1917 in Russia: A review of recent Western literature*. In: Judge E.H., Simms Y. Jr. (eds.) *Modernization and revolution. Dilemmas of progress in late imperial Russia. Essays in honor of Arthur P. Mandel*. New York, 1992, pp. 140–150.
26. Haimson L. *Ob istokakh revolyutsii* [On the origins of the revolution]. *Otechestvennaya istoriya*, 1993, no. 6, pp. 3–15.
27. Haimson L. [Development of political and social crisis in Russia in the period from the eve of the First World War until the February Revolution]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)* [Russia and the First World War (Proceedings of the International Scientific Colloquium)]. St. Petersburg, 1999, pp. 17–33. (In Russian).
28. Haimson L. "The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution" revisited. *Slavic Review*, 2000, vol. 59, no. 4, pp. 848–875.
29. Shelokhaev V.V. *Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature* [Controversial problems of Russian liberalism history in the modern Russian literature]. *Voprosy istorii*, 2007, no. 5, pp. 3–16.
30. Gayda F.A. *Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.)* [The liberal opposition on ways to power (1914 – Spring 1917)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.
31. Aronov D.V. *Zakonodatel'naya deyatel'nost' rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy Dume (1906–1917 gg.)* [Legislative activity of Russian liberals in the State Duma (1906–1917)]. Moscow: Yurist Publ., 2005. 426 p.
32. Seleznev F.A. *Konstitutsionnye demokraty i burzhuziya (1905–1917 gg.)* [Constitutional democrats and the bourgeoisie (1905–1917)]. N. Novgorod: N. Novgorod State University Publ., 2006. 227 p.
33. Shelokhaev S.V. *D.N. Shipov: Lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* [D.N. Shipov: personality and political activity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2010. 406 p.
34. Solov'ev K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: Mekhanizmy vzaimodeystviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 512 p.

Received: 22 March 2015